

К. Ю. Пеляшенко

ДРЕВНОСТИ III—I вв. до н. э. ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ

В статье рассматриваются артефакты, которые относятся к наименее изученному периоду в лесостепной части бассейна р. Северский Донец — III—I вв. до н. э. Основная часть материалов происходит из раскопок Циркуновского городища, остальные представлены случайными находками, найденными на поверхности.

Ключевые слова: Лесостепь, Северский Донец, III—I вв. до н. э., материальная культура.

Период последних трех столетий до нашей эры можно уверенно относить к т. н. темным периодам древней истории на территории лесостепной зоны восточнее Днепра. Древности III—I вв. до н. э. очень слабо освещены в литературе не только для лесостепных памятников бассейна Северского Донца, но и для всей Днестро-Донецкой Лесостепи, что связано с ограниченным кругом источников, не позволяющих делать какие-либо определенные заключения относительно этнокультурной истории региона рассматриваемого периода. Если в Днепро-Донецком Лесостепном Правобережье с III в. до н. э. широко известны памятники зарубинецкой культуры, которые сменяют лесостепную скифскую культуру, то на Левобережье в это же время не фиксируется сколько-нибудь постоянных пунктов оседлой жизни и могильников, а круг источников ограничен, как правило, случайными находками, отдельными артефактами на поселениях и одиночными погребениями¹. В

1. Культурный слой зарубинецкой культуры был выделен В. А. Ильинской на Басовском городище в Посулье (Ильинская 1961). Из этого же региона происходят единичные комплексы и отдельные находки предметов зарубинецкой культуры, что свидетельствует о миграции незначительной час-

связи с этим существует ряд вопросов относительно событий финала скифской эпохи и дальнейших судеб местного оседлого населения, довольно плотно заселившего территории между Днепром и Северским Донцом в VI—IV вв. до н. э.

Впервые древности сарматского времени в бассейне р. Северский Донец комплексно были освещены в монографии Б. А. Шрамко «Древности Северского Донца» (1962, с. 237—244). Были собраны данные о всех известных погребальных комплексах, кладах и случайных находках, среди которых исследователь не называет ни одного пункта последних веков до нашей эры в лесостепной полосе. Отсутствуют такие и в «Справочнике по археологии Украины (Харьковская область)», который увидел свет в 1977 г. (Шрамко, Михеев, Грубник 1977). Лишь находки на Циркуновском городище фрагментов сероглиняной гончарной керамики позволили Б. А. Шрамко только предположить ее меото-сарматское происхождение и отнести к III—I вв. до н. э. (Шрамко 1956, с. 108). Только в начале XXI в. в руки исследователей попали единичные античные материалы III—II вв. до н. э., обнаруженные на поверхности поселений скифского времени, что дало возможность наметить перспективу поиска памятников или культурных слоев указанного периода в северскодонецкой Лесостепи (Гречко 2004; Колода 2009).

Неудачная попытка выделить ранние сарматские древности в лесостепной части бассейна р. Северский Донец была сделана в статье

ти населения с правого берега Днепра в Посулье начиная с III в. до н. э. (Кулатова, Супруненко, Терпиловский 2005, с. 25—33).

Г. В. Бейдина, М. Н. Григорянца и С. А. Чаговца (2007, с. 167—175). Авторы полагают, что местные племена, проживающие в северскодонецкой Лесостепи первыми в Скифии вошли в контакт с сарматскими военными отрядами в III в. до н. э. В качестве аргументов приводится серия давно известных в литературе погребений и случайные находки, подробности обнаружения которых и место хранения неизвестны. Три погребальных комплекса (курган 3 у с. Раздольное на р. Берека, разрушенное погребение у г. Балаклеи, погребение в песчаной дюне у с. Яремовка) расположены не в лесостепной зоне, а в степи, на значительном удалении от места концентрации памятников оседлого населения. К тому же, относительно погребения у с. Яремовка, С. В. Полиным и А. В. Симоненко высказывались аргументы о его не сарматской, а скифской принадлежности и датировке IV — началом III вв. до н. э. (1990, с. 79—81). Среди случайных находок приводится железный колчаный крючок, найденный у с. Черкасский Бишкин (Змиевской р-н Харьковской обл.) (Бейдин, Григорянец, Чаговец 2007, с. 171, рис. 1). Территориально это также степная зона — пограничье с лесостепной. Подобные железные крючки с перпендикулярно расположенной «перекладной» известны в древностях IV в. до н. э. скифского времени Среднего Подонья (Савченко 2004, с. 234, рис. 28: 7). На Северском Донце похожий крючок обнаружен в позднесавроматском погребении второй половины IV в. до н. э. у с. Веселое (Шрамко 1992, с. 115). Далее приведены находки двух подвесок в виде миниатюрных наконечников, обнаруженные на поверхности поселений скифского времени Шелковая и Ореховая Роща (Бейдин, Григорянец, Чаговец 2007, с. 171, рис. 2—3). Признавая факт отсутствия аналогий, авторы находят параллели этим предметам с подвеской из курганного погребения 1 кургана 5 у с. Грушевка в Днепропетровской области. Смешанный характер опубликованных предметов из Грушевки подчеркивали С. В. Полин и А. В. Симоненко. Часть предметов была ошибочно включена из сарматского погребения 6 кургана 5 у с. Марьинское. Что касается бронзовой височной подвески, упомянутой выше в качестве аналогии, то авторы отмечают, что она не находит параллелей ни в скифских, ни в савромато-сарматских, ни в меотских древностях, а наиболее близкие подвески обнаружены в Вани (Закавказье) в погребении V в. до н. э. По набору предметов комплекс Грушевки датирован в пределах VI—V вв. до н. э. (Полин, Симоненко 1990, с. 83—85). Еще одна находка, приведенная в качестве доказательства присутствия сармат в III—II вв. до н. э. — костяная подвеска, имитирующая кабаньих клык с орнаментом и отверстием для подвешивания, найденная на поселении Шелковая (Бейдин, Григорянец, Чаговец 2007, с. 173, рис. 5). Отсутствие

информации о месте хранения и вообще принадлежности ее к Музейному фонду Украины лишает нас возможности ознакомиться с этим предметом, чтобы убедиться в том, что это действительно имитация, а не сам зуб. Подвески из зубов кабана, как орнаментированные, так и нет, хорошо известны в древностях скифского времени. В частности они найдены на Люботинском городище, к округе которого относится поселение Шелковая (Шрамко 1998, с. 28, рис. 13: 14, 17, 21). Материалы же раскопок Б. А. Шрамко на поселении Шелковая позволяют относить время его существования к концу VI—V вв. до н. э. (Шрамко 1964). Сарматским следом III—II вв. до н. э. на северскодонецких памятниках авторы статьи считают железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел, найденные неизвестно кем и в каком количестве на Коломакском городище (Бейдин, Григорянец, Чаговец 2007, с. 173, рис. 7). Данный памятник, расположенный на р. Коломак (левый приток р. Ворскла) относится к ворсклинской группе памятников, а такие типы стрел имеют широкие даты, захватывая поздний период древностей скифской эпохи (Мелюкова 1964, с. 25) и поэтому не могут выступать в качестве этно- и хроноиндикаторов. В конце авторы приводят находку ольвийской монеты II в. до н. э., которая еще будет рассматриваться нами ниже. Здесь можно лишь отметить, что греческая монета не относится к сарматским древностям и не может быть свидетельством экспансии сарматов в северскодонецкую Лесостепь. Таким образом, исторические выводы о проникновении сарматов в Лесостепь в III в. до н. э. и их контактах с местным населением не подтверждаются приведенными находками.

В обобщающей работе, посвященной древностям скифского времени в лесостепной части бассейна Северского Донца, Д. С. Гречко отмечал, что следов жизни в регионе в III—I вв. до н. э. не фиксируется. Однако автор не исключал, что это может быть связано с отсутствием четких хронологических индикаторов (Гречко 2010, с. 112). В ряде работ, посвященных вопросам конца скифской эпохи в бассейне Северского Донца, приводились аргументы относительно того, что данная территория в конце третьей — четвертой четвертях IV в. до н. э. перешла под контроль поздних савроматов (сирматов) или других кочевников Подонья-Прикубанья (Гречко 2006, с. 226; 2010, с. 110; Гречко, Карнаух 2011, с. 250).

В целом можно заключить, что до сих пор в литературе практически не появилось информации, освещающей период последних веков до нашей эры в лесостепной части бассейна р. Северский Донец. Задачей данной работы является публикация и анализ материалов относящихся к III—I вв. до н. э., полученных большей частью в результате раскопок автора, с привлечением немногочисленных известных

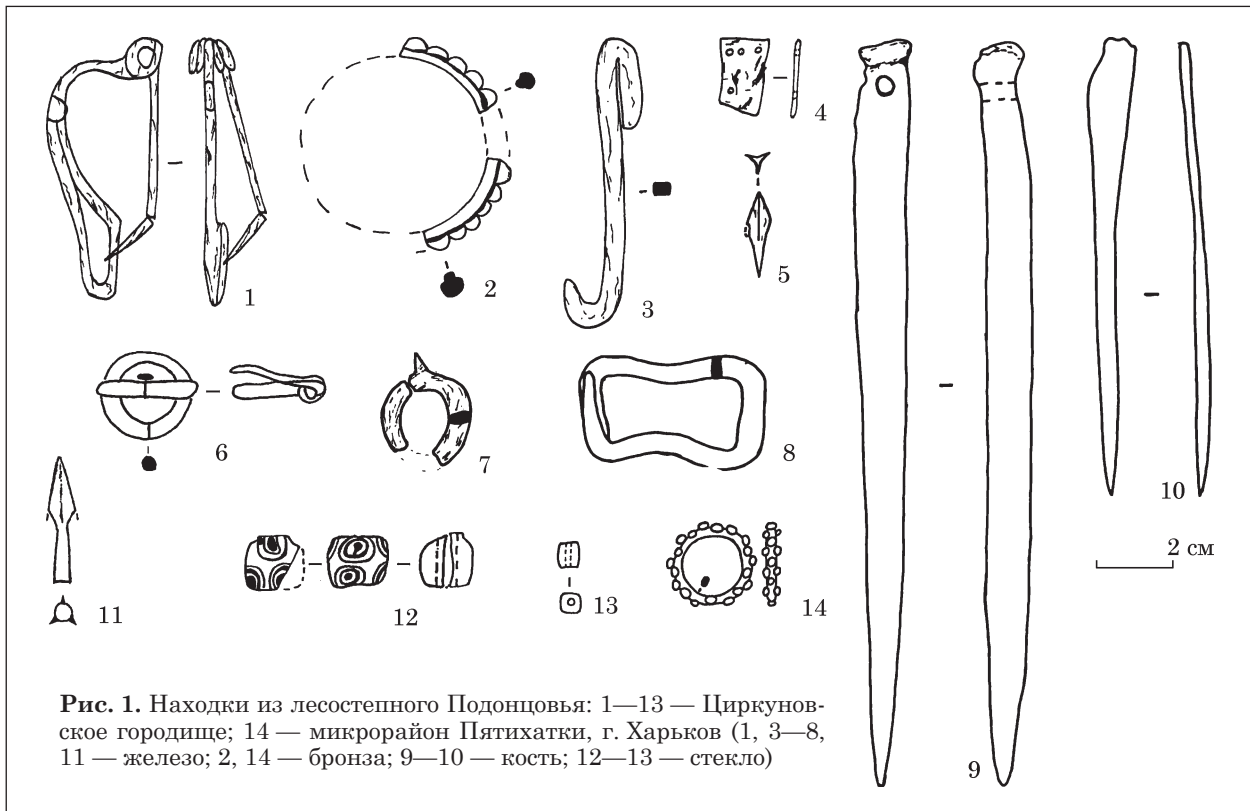

Рис. 1. Находки из лесостепного Подонцовья: 1—13 — Циркуновское городище; 14 — микрорайон Пятихатки, г. Харьков (1, 3—8, 11 — железо; 2, 14 — бронза; 9—10 — кость; 12—13 — стекло)

ранее случайных находок. Основной массив артефактов связанных с рассматриваемым периодом представлен в материалах раскопок Циркуновского городища, которые публикуются здесь впервые.

Перед тем, как перейти непосредственно к рассмотрению самих артефактов, не будет лишним остановиться на характеристике культурного слоя и стратиграфии памятника, из которого происходит основная масса материалов. Основная часть жилой площадки Циркуновского городища имеет слабонасыщенный находками культурный слой чернозема. Его мощность в основном составляет 0,25—0,35 м. Только в южной части, на территории Первого (южного) двора, по краю городищенской площадки зафиксированы отложения мощность которых достигала до 1,6 м. В нижних золистых прослойках были обнаружены материалы времени основания городища — начала V в. до н. э. Культурный слой центральной части Первого и всего Второго (северного) двора имея слабую мощность не отличается по цвету и структуре грунта: оподзоленный чернозем темно-серой окраски, который постепенно переходит в суглинок. Поэтому разделить стратиграфически археологические материалы, найденные в этих раскопах не представляется возможным. Датированные предметы конца V—IV и III—I вв. до н. э. фиксировались на одной глубине, как на уровне погребенной почвы, так и ближе к современной поверхности (от 0,10 до 0,40 м).

Далее перейдем непосредственно к характеристике археологических материалов относящихся к рассматриваемому периоду из раскопок Циркуновского городища.

1. Железная фибула среднелатенской схемы серии 1 (по В. В. Кропотову) (рис. 1: 1). Проволочная фибула, ножка которой прикреплена к спинке с помощью скрепы-лапки (Кропотов 2010, с. 41). Фибула обнаружена в культурном слое раскопа 13 (кв. 17/Г^а) на глубине 0,2 м. Имеет длину 7,1 см, 4-витковую пружину, ножка скреплена со спинкой с помощью гладкой лапки, что позволяет отнести ее ко второму варианту, хронологические позиции которого В. В. Кропотов определил второй половиной I в. до н. э. (Кропотов 2010, с. 44—45). В то же время данная форма фибул получила большое распространение на памятниках зарубинецкой культуры (Тип В — Костжевский) в конце III — начале II вв. до н. э. При этом от средневропейских, зарубинецкие отличаются креплением ножки к спинке всегда с помощью лапок, образованных расклепкой кончика ножки (как на циркуновской), а не муфтой (Пачкова 2006, с. 77). Данный тип фибул представлен так же наиболее многочисленной серией в могильнике у с. Глиное (33 экземпляра в 32 погребениях, 16 из них имеют 4-витковую пружину) (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 957). В отличие от зарубинецких памятников, здесь большинство (32 экз.) фибул сделаны из железной проволоки. Все погребения с такими фибулами (в т. ч. 4-витковыми) авторы датируют

последней четвертью III — первой четвертью II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 958). Учитывая такое несоответствие в хронологии, датировка фибулы из Циркунов пока определена широкими рамками: конец III—I вв. до н. э.

2. Фрагменты бронзового кольца (браслета?) с одним рядом округлых выступов («шишечек») (рис. 1: 2). Два фрагмента одного предмета обнаружены в культурном слое раскопа 13 (кв. 2/Б' и 8/Б'). Один фрагмент на глубине 0,1 м, другой — 0,25 м. Реконструируемый диаметр 4,5 см с внутренней стороны и 5,5 см с внешней. В литературе существуют различные мнения по поводу назначения данных предметов: амулеты, детали украшений, сбруя и портупейные пряжки (Журавлев 2014, с. 65—69). Несмотря на то, что традиционно данные предметы связывают с древностями латенского круга, Д. В. Журавлев полагает, что кольца с тремя рядами выступов из памятников Северного Причерноморья связаны происхождением с находками из Фракии или Гето-Дакии (2014, с. 80). Фрагменты из Циркуновского городища имеют один ряд округлых выступов, расположенных на внешней стороне кольца. Подобные предметы, возможно, генетически связаны с т. н. браслетами с рубчиками, которые представлены в скифских древностях V—IV вв. до н. э. (Петренко 1978, с. 55, рис. 45). Однако, наиболее близкие по морфологии браслеты с частым расположением округлых выступов (т. н. гусеничные) относятся к ступени Латен В2а, которая в абсолютных датах ограничивается 330/320—280/260 гг. до н. э. (Щукин 1994, с. 49, 65, рис. 11: 9). В. Е. Еременко, поставивший вопрос о пересмотре схемы относительной хронологии древностей восточного латена Й. Буйны, помещает данные браслеты в ступень Латен В2b, что в абсолютных датах соответствует 280—240 гг. до н. э. (Еременко 1999, с. 145, табл. 5, с. 147). Таким образом, фрагменты кольца, найденные на Циркуновском городище, в широких рамках можно датировать концом IV — серединой III вв. до н. э.

3. Железный крючок (рис. 1: 3). Обнаружен в заполнении ямы 21 (раскоп 13) на глубине 0,65 м. Имеет длину 7,7 см и сделан из прямоугольного в сечении железного стержня, который имеет незначительный изгиб. Плавно загнутый конец крючка имеет острое окончание, обратная сторона резко загнута и вплотную прижата к основе для фиксации ремня. Данная группа предметов получила различную интерпретацию в археологической литературе. Часть авторов интерпретирует их как кольчанные крюки, в то же время высказывались мнения по поводу использования их в качестве застежек поясного ремня и одежды или же их полифункциональности (Савченко 2004, с. 229; Гуляев 2016, с. 66—68). Если для середины V—IV вв. до н. э. характерны в основном

зооморфные крючки, среди которых преобладают бронзовые, то в более позднее время это преимущественно простые неорнаментированные предметы, выполненные из железа. По типологии, разработанной Н. Е. Берлизовым наша находка более всего соответствует типу 5 (S-видные) с креплением варианта В — в виде отверстия соосного крюку (Берлизов 2011, с. 85, табл. 346). Простые железные крючки в большом количестве (37 шт.) представлены в могильнике III—II вв. до н. э. у с. Глиное, где они использовались как в качестве колчанных, так и поясных застежек (Тельнов, Четвериков, Синика 2017, с. 777—779). Л. С. Воротинская связывает происхождение простых железных поясных крючков без Т-образного перекрестия с кельтскими древностями: ясторфской культурой и группой Поянешти-Лукашевка, а появление их в Причерноморье и Крыму со свидетельствами кельто-скифских взаимодействий или смешений в III—II вв. до н. э. (Воротинская 2013, с. 491—492). Железные крючки довольно часто встречаются в погребениях скифов Крыма (Пуздровский 2007, с. 70). Экземпляры простой конструкции в виде загнутого железного стержня характерны для комплексов периода II в. до н. э. — первой половины I в. н. э. (Пуздровский 2007, рис. 26: II; 28: I—III, IV, 29: III, V, VII, 30: 10).

Помимо крючка, в этой же яме, на глубине 0,55 м обнаружена небольшая (2,0 × 1,3 см) железная панцирная пластина неправильной четырехугольной формы, имеющая острый треугольный нижний конец со срезом слева направо, с четырьмя отверстиями (три в ряд сверху и одна снизу) (рис. 1: 4). Идентичные по форме и размерам пластины составляли основную массу в панцире кургана 1 могильника Дуровка, дата которого устанавливается по греческой амфоре (Савченко 2004, с. 217, рис. 22: 13—15). А. П. Абрамов определил место ее производства примерно — Кид или Кос и датировал первой половиной IV — второй половиной III вв. до н. э.¹ (Пузикова 2001, с. 184). А. Е. Безматерных датировал амфору первой половиной III в. до н. э. (2004, с. 21—22, табл. 1). Однако уже в диссертации дается другая дата — последняя четверть IV в. до н. э. (Безматерных 2006, с. 20—21).

4. Железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 1: 5). Найден в культурном слое в раскопе 13 (кв. 10/Б') на глубине 0,2 м. Его длина составляет 2,3 см, наибольшая ширина 0,7 см. Из-за сильной коррозии наконечник сложно отнести к какому-либо типу, т. к. типобразующей во многих типологических схемах, как правило, является форма окончания лопастей. Одиночные находки железных

1. Скорее всего, в публикации содержится опечатка и имелась в виду дата: вторая половина IV — первая половина III вв. до н. э.

черешковых наконечников стрел в древностях Заволжья и Приуралья известны еще с конца V — третьей четверти IV в. до н. э. (фаза B2 по Н. Е. Берлизову 2011, с. 173). А. В. Симоненко утверждает, что основная масса черешковых наконечников стрел в сарматских древностях Северного Причерноморья относится к I в. н. э. Наиболее древним комплексом является погребение у с. Виноградное, где в наборе втульчатых стрел обнаружена одна черешковая. Комплекс датируется I в. до н. э. (2015, с. 116, 118). Н. Е. Берлизов наиболее ранние сарматские комплексы междуречья Дона и Днепра с трехлопастными черешковыми стрелами относит к периоду C1 (региональной относительной хронологии), которая в абсолютных датах соответствует концу I в. до н. э. — началу I в. н. э. (Берлизов 2011, табл. 63). В то же время известно несколько датированных скифских погребальных комплексов в Крыму (Беляуский могильник, склеп 40, Неаполь Скифский, Восточный некрополь, склеп 67), которые А. Е. Пуздровский относит к периоду позднескифской культуры A2 (вторая половина II — первая половина I вв. до н. э.) (2007, рис. 17: II; 28: III). При этом автор отмечает в целом, что для периода A (II в. до н. э. — первая половина I в. н. э.) железные черешковые наконечники нигде не составляют значительных серий и морфологически одинаковы как у сарматов, так и у поздних скифов Крыма, населения Прикубанья и Центрального Предкавказья. Появление их в Причерноморье связывают с проникновением населения из Средней Азии (Пуздровский 2007, с. 68). Для наиболее ранних черешковых наконечников характерны небольшие размеры, тенденция к увеличению длины и веса наконечника, связанная с появлением иного типа лука, отмечалась А. М. Хазановым (1971, с. 38).

Несмотря на довольно широкие рамки бытования подобных стрел, учитывая сопутствующие материалы, а также малые размеры наконечника, найденного на Циркуновском городище, логичнее будет предполагать его раннюю дату (II—I вв. до н. э.).

5. Железная круглая пряжка с боковым выступом фиксатором (рис. 1: 7). Два фрагмента пряжки обнаружены в культурном слое раскопа 13 (кв. 11/И), на глубине 0,3 м. Реконструируемый диаметр 2,5 см, длина неподвижного язычка 0,5 см. Железные круглые пряжки с неподвижным фиксатором в сарматских древностях известны на широкой территории. Согласно хронологии Н. Е. Берлизова наиболее ранние образцы известны на Урале, где они бытуют в конце IV—II вв. до н. э. (фазы B2—B3a региональной относительной хронологии), в конце IV—I вв. до н. э. в Заволжье (фазы B1—C региональной относительной хронологии) (2011, табл. 59, 60, 60A). В Предкавказье такие пряжки находят в комплексах II — начала I в. до

н. э. (фазы B1—B2 региональной относительной хронологии) (Берлизов 2011, табл. 62). Они неизвестны в сарматских комплексах междуречья Дона и Днепра, но получили довольно широкое распространение в позднескифских древностях Крыма. Большая часть из них найдена в комплексах периода A2 (по А. Е. Пуздровскому), который имеет абсолютные даты вторая половина II — первая половина I вв. до н. э. (2007, рис. 14: I; 17: II; 22: I; 26: I, II; 27: I, II; 28: III, IV). Пряжка из Циркуновского городища по наиболее близким аналогиям может быть отнесена ко II—I вв. до н. э.

6. Железная пряжка с круглой рамкой и подвижным язычком (рис. 1: 6). Найдена в культурном слое раскопа 12 (кв. 16/Ж) на глубине 0,10 м. Пряжка имеет диаметр 2,4 см, рамка сделана из круглого в сечении стержня. Язычок уплощенный, овальный в сечении, практически не выступает за рамку. Круглорамчатые пряжки с сомкнутыми концами и подвижным язычком небольшого диаметра (1,6—3,9 см) в незначительном количестве известны в древностях позднего периода скифской культуры. Не так давно они были рассмотрены в отдельной публикации А. Д. Могилова, который выделил их во вторую группу типа III (Могилев 2016, с. 46—47). Похожие экземпляры были найдены на Каменском городище, на участке раскопа датирующегося концом IV — первой половины III вв. до н. э., в погребальных комплексах Пукарь, курган 7, погребение 3, Львово курган 13, погребение 3, остальные имеют выступающий за рамку язычок (Могилев 2016, с. 48, рис. 6: 6—8). Однако пряжка из Циркуновского городища отличается не прямым, а изогнутым профилем язычка, что является более поздним признаком. Начало широкого распространения железных круглорамчатых пряжек с подвижным язычком Н. Е. Берлизов относит к концу II — середине I вв. до н. э. (2011, с. 176). В дальнейшем они используются до II—III вв. н. э. Наиболее ранние образцы пряжек маленького диаметра (XI (хроноиндикатор) — 604, по Н. Е. Берлизову) известны на Урале в конце V—IV вв. до н. э. (2011, табл. 59). В Заволжье и Подонье они известны позднее, во II в. до н. э. — II в. н. э. (Берлизов 2011, табл. 60, 60A, 61). В сарматских древностях междуречья Днепра и Дона данные пряжки найдены в комплексах фазы C и D (региональной относительной хронологии): I—II вв. н. э. (Берлизов 2011, табл. 63). В небольшом количестве такие пряжки известны в позднескифской культуре Крыма периода A (по А. Е. Пуздровскому): II в. до н. э. — первая половина I в. н. э. (2007, рис. 26: II; 27: II), где становятся более распространенными в последующее время. Железные пряжки с подвижным язычком известны в двух погребениях могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 202, рис. 99; с. 559, рис. 315).

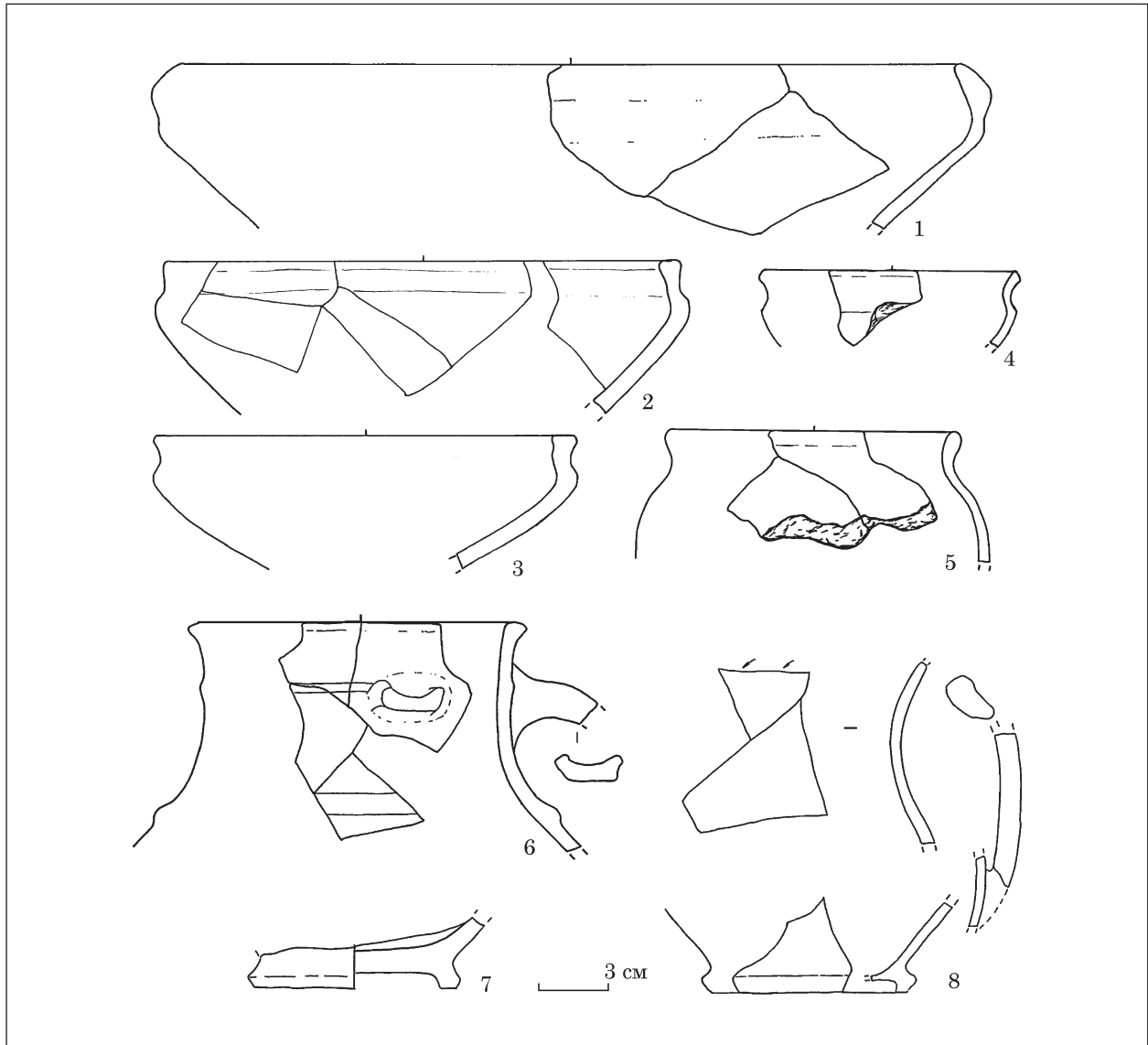

Рис. 2. Фрагменты сероглиняной (1—7) и красноглиняной (8) гончарной керамики из раскопок Циркуновского городища

7. Железная рамка пряжки с подвижным язычком (язычок не сохранился) прямоугольной формы с изогнутыми внутрь длинными сторонами (рис. 1: 8). Обнаружена в кв. 4/A' раскопа 6, на глубине 0,70 м. Пряжка имеет размеры $4,8 \times 3$ см, сделана из прямоугольного в сечении стержня, концы пряжки заходят один за другой внахлест и склепаны. Пряжки с прямоугольной и прямоугольной с вогнутыми сторонами рамкой известны в сарматских древностях (XI 611 и 612 по Н. Е. Берлизову) и найдены в незначительном количестве в мужских погребениях Подонья и междуречья Дона и Днепра, дата которых определяется в рамках середины II—I вв. до н. э. (Берлизов 2011, табл. 61, 63). Практически идентичные пряжки с заходящими друг за друга концами рамки обнаружены в Золотобалковском могильнике рубежа нашей эры (Вязьмитина 1972, с. 134, рис. 66: 1, 3). В сарматских древ-

ностях Днепро-Донского междуречья пряжки с прямоугольной рамкой и подвижным язычком встречаются до позднесарматского времени (Костенко 1983, с. 102, рис. 13: 54; с. 103, рис. 14: 43).

8. Сероглиняная гончарная керамика (рис. 2: 1—7). За все годы раскопок на Циркуновском городище накопилась целая серия фрагментов сероглиняной гончарной керамики. Данные фрагменты обнаружены не локально (в одном или нескольких местах), а встречаются в культурном слое по всей площади памятника, они известны во всех раскопах, исследованных на значительной площади (раскопы 6—8, 10, 12, 13, раскопы I и II (1961—1962 гг.) нумерации Б. А. Шрамко). Подобная ситуация характерна только для Циркуновского городища, на других памятниках раннего железного века лесостепного Подонцовья нам неизвестны случаи обнаружения аналогичной гончарной посу-

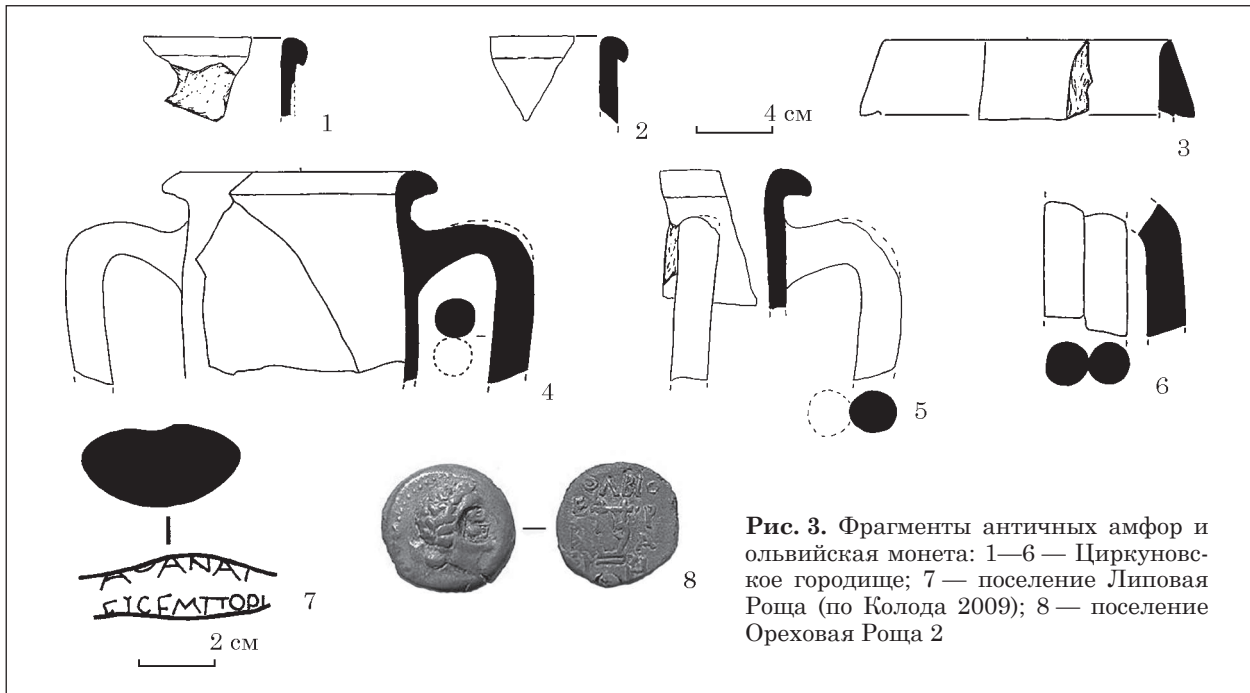

Рис. 3. Фрагменты античных амфор и ольвийская монета: 1—6 — Циркуновское городище; 7 — поселение Липовая Роща (по Колода 2009); 8 — поселение Ореховая Роща 2

ды¹. Помимо стенок, составляющих большинство, обнаружены определимые фрагменты верхних, нижних частей, ручек, по которым можно получить представление о составе и морфологии этой группы находок. Наиболее распространенными среди них являются фрагменты верхних частей мисок, которые имеют сглаженное ребро, небольшую выделенную шейку и утолщенный венчик (рис. 2: 1—4). Меньшим количеством представлены венчики кувшинов и единичные фрагменты горшков (рис. 2: 5—6)². Морфологические признаки данной керамики находят прямые параллели среди меотской сероглиняной посуды.

Появление гончарной керамики у меотов определяется в рамках второй четверти — середины V в. до н. э. (Марченко 2013, с. 26—28). Аналогичные, найденным на Циркуновском городище фрагментам, кувшины и миски широко известны в комплексах правобережья Кубани начиная с III в. до н. э. (Марченко 1996, с. 337). В то же время, как отметил Н. Е. Берлизов, у сарматов гончарная керамика получила широкое распространение только со II—I вв. до н. э. (2011, с. 77). Аналогии профилированным мискам имеются в сарматских комплексах Предкавказья второй половины II — середины

I вв. до н. э. (Берлизов 2011, табл. 62) Меотская гончарная керамика представлена в сарматских погребениях междуречья Дона и Днепра II в. до н. э. — I в. н. э. (Костенко 1979, табл. 6; 1983, с. 49, 50, рис. 9: 14; 12; Берлизов 2011, табл. 63). В Лесостепи аналогичная керамика происходит только из памятников Подонья, где она найдена в погребениях и на городищах, содержащих культурные напластования первых веков нашей эры (Медведев 2008, с. 187, рис. 36; с. 189, рис. 38; с. 190, рис. 39; с. 209, рис. 58). Таким образом, хронологические рамки бытования сероглиняной гончарной керамики довольно широки, а проблема ее разнообразия и сложности датированности уже отмечалась исследователями (Каменецкий 1994, с. 17). Следовательно, данная группа предметов не является датирующей и в нашем случае, а дату поступления этого импорта на Циркуновское городище видимо следует определять по перечисленным выше датирующим артефактам. Стратиграфически фрагменты сероглиняной гончарной керамики фиксируются на разных глубинах культурного слоя от 0,10 до 0,40 м. Только один раз фрагменты стенки и венчика гончарного кувшина были обнаружены в яме 7 раскопа 10 в верхнем заполнении вместе с развалами нескольких лепных горшков. Датирующих предметов в яме не было, однако на самом дне ямы был зафиксирован неполный развал маленького кувшинчика (курильницы?), орнаментированного вертикальными налепными валиками. В датированных комплексах кувшины с налепными валиками были обнаружены на городище вместе с античными материалами конца IV — начала III вв. до н. э., что дает лишь предположительную нижнюю границу

1. Незначительное количество фрагментов фракийской сероглиняной гончарной столовой керамики найдено в слоях среднескифского периода (конца VI—V вв. до н. э.) Люботинского, Караванского городищ и поселения Червоногово 3 (Гречко 2010, с. 70). Данные находки не имеют отношения к рассматриваемому в этой статье периоду.
2. Более детальному анализу сероглиняной гончарной керамики Циркуновского городища будет посвящена отдельная публикация.

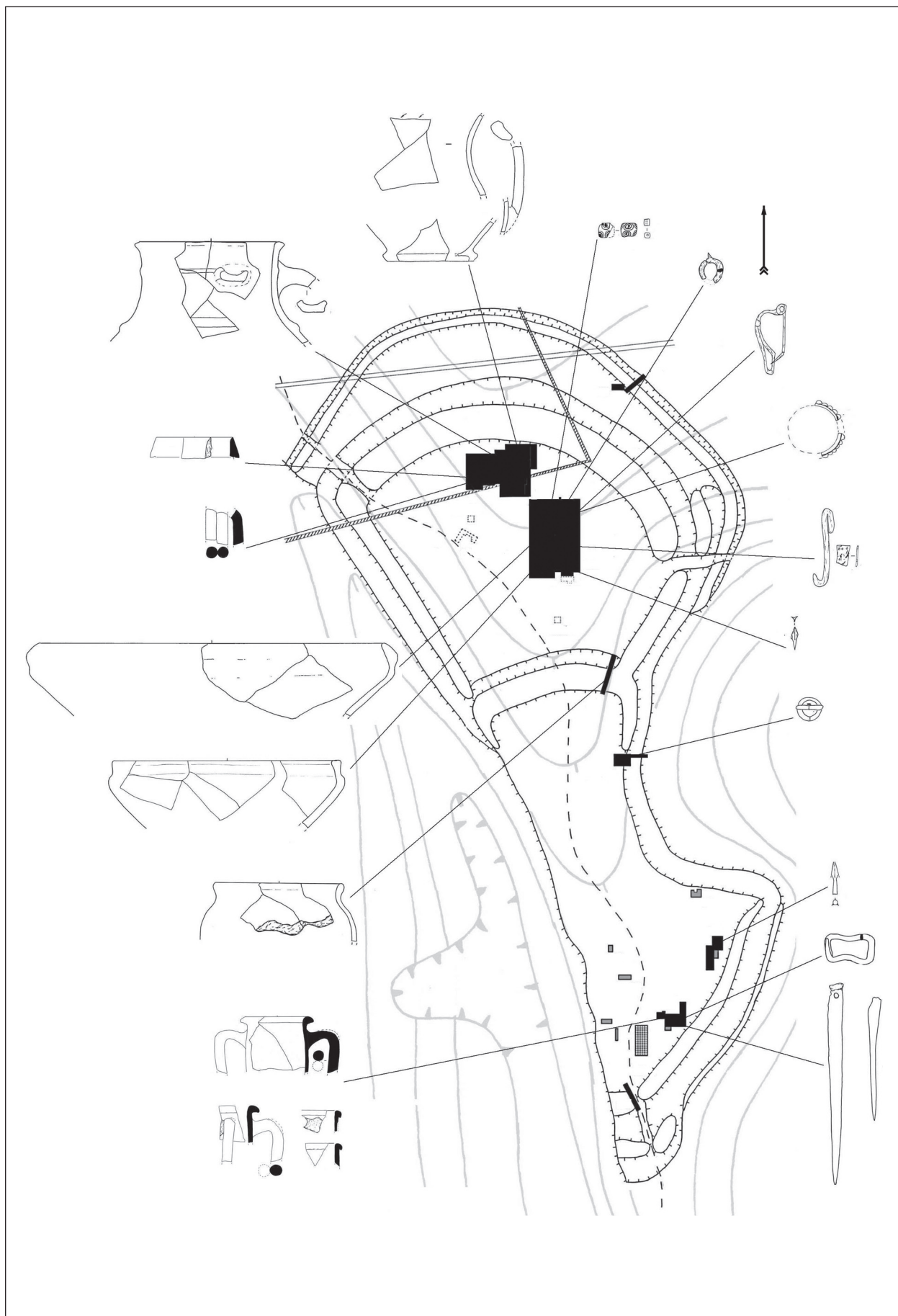

Рис. 4. Пространственное распределение материалов из Циркуновского городища, рассмотренных в статье

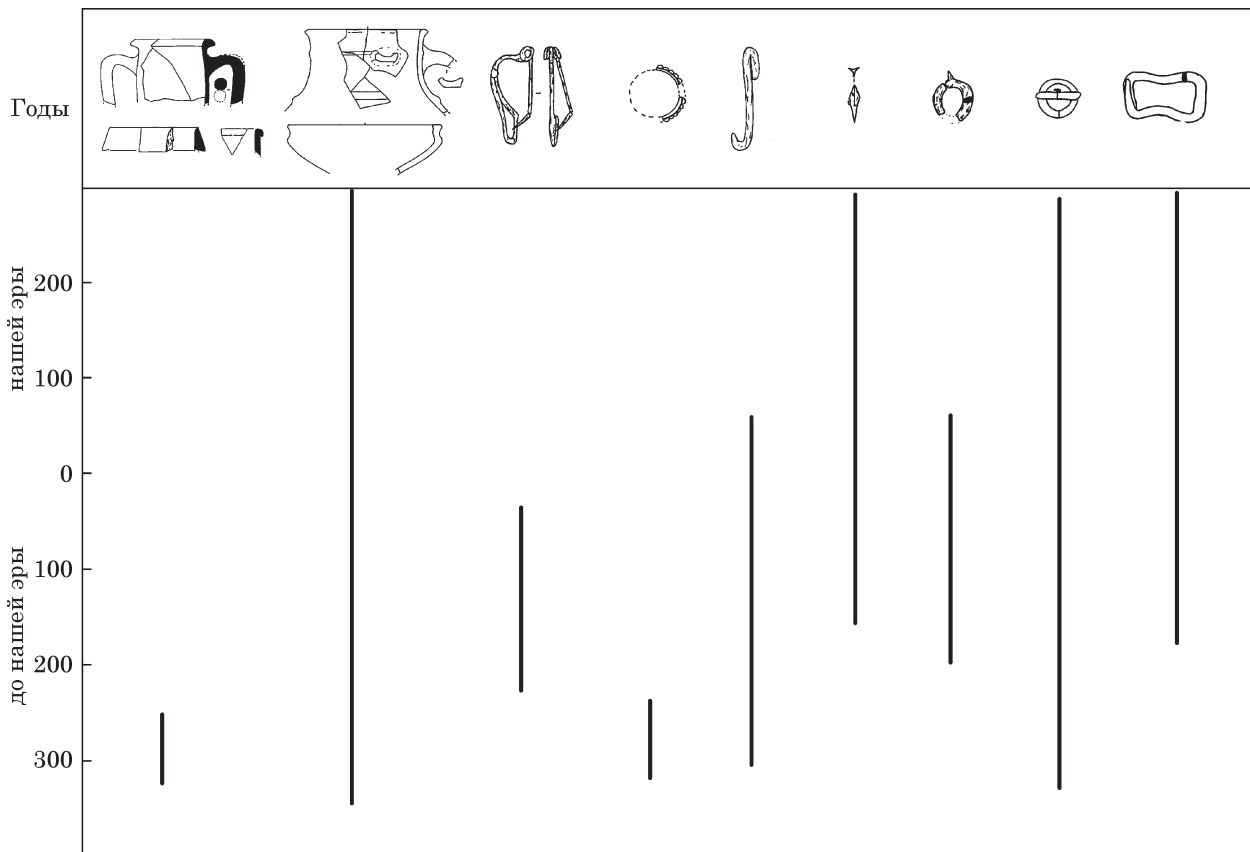

Рис. 5. Корреляционная хронологическая таблица находок из Циркуновского городища

времени поступления сероглиняного гончарного импорта.

9. Античная керамика. Среди коллекции фрагментов греческой привозной керамики, найденной на Циркуновском городище, можно выделить наиболее позднюю группу, которая датируется в пределах конца IV — середины III вв. до н. э.¹ Данная группа представлена несколькими центрами. Фрагменты амфор синопского производства с валикообразным венчиком со свисающим нижним краем (19 фрагментов, все обнаружены в раскопе 6 и, предположительно относятся к одному сосуду) (рис. 3: 1—2). Косские амфоры с грибовидным венчиком и двустольными ручками (4 фрагмента, найдены в раскопах 6 и 10) (рис. 3: 4—6). Один фрагмент венчика родосской амфоры с широким грибовидным венчиком найден в раскопе 10 (рис. 3: 3).

Небольшим количеством (15 фрагментов) представлена красноглиняная гончарная керамика. Поверхность, цвет обжига, морфологические признаки, а так же факт обнаружения всех фрагментов в одной части раскопа 10 (кв. 3—14/К—Н) позволяют их отнести к частям одного кувшина (рис. 2: 8). Из определенных частей имеется дно с невысоким кольцевым

поддоном, овальная в сечении ручка и верхняя часть отбитой горловины со следами шлифовки, что может говорить об использовании этого сосуда после повреждения. Несколько фрагментов обнаружены не в культурном слое, а в ямах 10, 13 и вышеупомянутой ямы 7, в заполнении которой были найдены фрагменты сероглиняной гончарной керамики, что позволяет соотносить их по времени.

Красноглиняная керамика, наряду с меотской сероглиняной, так же представлена в сарматских комплексах. Как отметил Н. Е. Берлизов, красноглиняные кувшины часто встречаются в погребениях II—I вв. до н. э., хотя могут находиться как в более ранних, так и более поздних (2011, с. 78). Обнаружены они как в комплексах Задонья и Предкавказья, так и в междуречье Днестра и Дона (Берлизов 2011, табл. 61, 62А, 63А).

Помимо описанных выше артефактов можно упомянуть еще одну бусину, которая обнаружена в раскопе 13. Бусина размерами 6 × 5 мм, прямоугольной формы с немного выпуклыми боками, сделана из зеленого полупрозрачного стекла, на одной грани имеется тонкая продольная полоса красного цвета (рис. 1: 13). Согласно исследованиям Е. М. Алексеевой такие мелкие бусы, сделанные из тянутых трубочек, получают распространение уже в первые века нашей эры (1978, с. 62). Точных аналогий нашей бусине в каталоге найти не удалось, но по-

1. Определение античной керамики из раскопок Циркуновского городища проводилось С. А. Задниковым, которому я благодарен за труд.

хожие по форме и размерам бусы характерны для II—III вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 69—70, табл. 33: 30, 31, 42). По всей видимости, данная бусина выходит за хронологические рамки работы, однако заставляет задуматься о верхнем рубеже существования городища.

Таким образом, часть предметов, рассмотренных выше, имеет довольно широкие хронологические рамки, заходящие в первые века нашей эры (рис. 5). Для более узкого определения даты, как представляется, можно обратить внимание на взаимовстречаемость данных артефактов в погребальных комплексах на сопредельных территориях. Такие комплексы известны в Крыму. Фибулы среднелатенской схемы со скрепкой-лапкой, круглые пряжки с неподвижным язычком и круглорамчатые с подвижным язычком, железные крючки, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел встречаются в погребениях периода А2 (по А. Е. Пуздровскому), который в абсолютных датах соответствует второй половине II — первой половине I вв. до н. э. (2007, с. 79—82, рис. 14; 17; 22; 26—28). Одним из наиболее важных хроноиндикаторов при датировке этих комплексов А. Е. Пуздровский называет фибулы, среди которых среднелатенские типы отнесены им к концу II — первой половине I вв. до н. э. (2007, с. 80). Учитывая тот факт, что по материалам могильника у с. Глиное эти фибулы имеют более раннюю дату, как было указано выше, мы можем допускать датировку перечисленных артефактов Циркуновского городища начиная с конца III в. до н. э. Относительно верхнего рубежа существования Циркуновского городища, мы не исключаем и более позднюю дату, в пределах I в. н. э., однако для точного заключения пока нет серьезных оснований.

Отдельно стоит выделить серию предметов, хронологические рамки бытования которых охватывают как период конца V—IV вв. до н. э. так и более позднее время (в пределах III—II вв. до н. э.). Исходя из этого, их нельзя с точностью отнести к рассматриваемому в этой работе кругу древностей, однако и игнорировать их тоже будет не совсем уместно.

Из раскопа 7 происходит железный втульчатый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 1: 11). Такие наконечники получили наибольшее распространение в памятниках конца V—IV вв. до н. э. Нижнего и Среднего Подонья, Прикубанья, Поволжья, в незначительном количестве представлены в Северном Причерноморье (Савченко 2004, с. 201—203). Продолжают использоваться железные втульчатые стрелы и в сарматское время до I в. н. э., как в сарматских так и в скифских погребениях (Симоненко 2015, с. 106—107; Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 772—773). То же самое можно сказать и о бронзовых трехгранных наконечниках стрел с треугольной головкой и скрытой втул-

кой (отдел III, 4—8 типы) и трехлопастных с выделенной втулкой (отдел II, тип 4), которые преобладают на Циркуновском городище. Данные типы стрел получили распространение в третьей и четвертой хронологических группах, по А. И. Мелюковой (конец V — начало III вв. до н. э.) (1964, с. 23—25, табл. 8—9). Такие наконечники продолжают использоваться поздними скифами в III—II вв. до н. э., что хорошо проиллюстрировано на материалах могильника у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 773—774, рис. 405).

Две костяные проколки обнаружены в раскопе 6. Одна из них найдена в кв. 4/Е на глубине 0,4 м, имеет длину 19 см, сквозное отверстие в верхней части (рис. 1: 9). Другая найдена в яме 5, имеет утолщенный верхний конец без отверстия, общая длина 11,6 см (рис. 1: 10).

По мнению Н. Е. Берлизова, массивные костяные проколки характерны для развитой прохоровской культуры III—I вв. до н. э. (2011, с. 123). В. М. Клепиков данные предметы относит к категории орудий труда, разделяя на две группы. 1) С широким, зачастую необработанным, верхним краем и заостренным нижним концом. 2) В виде круглых в сечении стержней с хорошо заполированной поверхностью, заостренным концом и просверленным отверстием у верхнего края. Первые известны в савроматских комплексах и широко распространены в раннесарматских погребениях, изредка встречаются в среднесарматских. Вторые появляются на рубеже IV—III вв. до н. э., получили распространение в погребениях II—I вв. до н. э., продолжали бытовать в I в. н. э. (Клепиков 2002, с. 73—74). Тем не менее, аналогичные костяные предметы (с отверстиями и без) представлены в поселенческих материалах лесостепных памятников, найдены они на городищах Бельское, Люботинское, Полковая Никитовка в культурных отложениях V—IV вв. до н. э. (Шрамко 1987, рис. 39: 3, 16; 1998, с. 28, рис. 13: 3, 4, 7, 8; Моруженко 1988, с. 43, рис. 8: 9—11, 16).

Из раскопа 13 происходит две половинки одной глазчатой бусины, найденные в культурном слое в нескольких метрах друг от друга (рис. 1: 12). По типологии Е. М. Алексеевой она соответствует варианту б типа 53 — округлые поперечно-сжатые бусы, из глухого бирюзового стекла, украшенные шестью глазками (центральный синий диск в глазках окружен двумя белыми и одним рыжим кольцами) и датируется III—II вв. до н. э. (1975, с. 65, табл. 16: 38). Такие же бусы известны на скифских памятниках, датирующихся более ранним временем, например, Мелитопольский курган, дата сооружения которого определяется третьей четвертью IV в. до н. э. (Тереножкин, Мозолевский 1988, рис. 124; Алексеев 2003, с. 265, 266).

Приведенные выше материалы обнаружены в разных частях городища, что, вероятно,

говорит о заселении всей площади памятника в поздний период его существования. Однако наибольшая их концентрация зафиксирована в раскопе 13, который расположен в центральной части Второго (северного) двора (рис. 4). Из культурного слоя этого раскопа происходят железная фибула, бронзовое кольцо с «шишечками», железный черешковый наконечник стрелы, железная пряжка с неподвижным язычком. Данные предметы, вместе с фрагментами двух сероглиняных гончарных мисок, были обнаружены довольно компактно в западной части раскопа, в пределах нескольких траншей, что может свидетельствовать о размещении в этом месте усадьбы, которая существовала в рассматриваемый период. К сожалению, следов жилой постройки в этой части выявить не удалось, а большинство хозяйственных ям не содержат датирующих материалов.

Помимо находок из Циркуновского городища нам известно небольшое количество находок из лесостепной зоны Северского Донца, которые можно отнести к периоду III—I вв. до н. э. Все они происходят из сборов на поверхности.

В фондах Харьковского исторического музея хранится бронзовое кольцо с округлыми выступами или «шишечками». Внешний диаметр кольца до 3,3 см, внутренний 2,5 см. «Шшечки» расположены тремя рядами: один по центру и два по краям (рис. 1: 14). Кольцо было найдено недалеко от микрорайона Пятихатки (г. Харьков), в нескольких километрах западнее Циркуновского городища, жителем города Александром Ильченко и передано в музей. Подобные изделия известны в памятниках Евразии начиная с III в. до н. э. (Журавлев 2014, с. 61). Более точные известные нам аналогии найдены в могильнике Бельбек IV в. в Крыму, однако уже датируются первыми веками нашей эры (Журавлев 2014, с. 60, рис. 1). Браслеты с тремя рядами округлых выступов найдены в сарматских погребениях II в. до н. э. — I в. н. э. Предкавказья и междуречья Днестра и Дона (Берлизов 2011, табл. 62А; 63А). Учитывая столь широкие датировки и отсутствие контекста находки, вполне возможно, что данный предмет не входит в хронологические рамки данной работы.

Остальные предметы связаны с античными древностями и уже освещались в научной литературе. Ольвийская бронзовая монета с изображением Аполлона, лиры и сокращения ΒΑΕΙΡΗ, которая имеет надчекан с клеймом в виде безбородой головы в шлеме (рис. 3: 8). Монета найдена на поверхности поселения Ореховая Роща 2 и датируется первой половиной II в. до н. э. (Гречко 2004, с. 32). Еще одна находка — фрагмент ручки херсонесской амфоры с клеймом, содержащим двухстрочный текст: ΑΘΑΝΑΙ, ΕΙΣΕΜΠΟΡΙ (рис. 3: 7). Обнаружен фрагмент на поверхности поселения Липовая Роща (окраина г. Харьков) и по аналогии с

другими клеймами херсонесского магистрата с именем Атанай датируются первой четвертью III в. до н. э. (Колода 2009, с. 292—294).

Довольно бедный круг источников, относящихся к периоду III—I вв. до н. э. из лесостепной зоны бассейна Северского Донца не позволяет сформулировать конкретные выводы относительно этнокультурной ситуации в этот период. И вряд ли это будет возможно до обнаружения погребальных комплексов на этой территории. Тем не менее, представленные выше находки дают возможность осветить некоторые вопросы истории этого «темного» для всей Днепро-Донецкой Лесостепи периода.

На основании материалов раскопок Циркуновского городища, можно сделать предположение относительно дальнейших судеб местного населения. Несмотря на то, что практически все датирующие артефакты происходят из культурного слоя памятника, имеются всего два комплекса позволяющие говорить о проживании здесь автохтонного населения в III—I вв. до н. э. Это яма 21 раскопа 13, в которой, как указывалось выше, были обнаружены железные крючок и панцирная пластина на глубине 0,55 и 0,65 м. Помимо этих предметов, в верхнем заполнении присутствовало значительное количество фрагментов лепной керамики, преимущественно стенки и один венчик, украшенный по краю косыми насечками и сквозными проколами. По структуре глиняного теста и морфологии эта керамика может уверенно быть отнесена к изделиям местного производства. Похожая ситуация была в яме 7 раскопа 10. Верхнее заполнение, до глубины 0,9 м, в котором были найдены фрагменты сероглиняной и красноглиняной гончарной керамики, было довольно плотно забито развалами лепной посуды, из которых впоследствии удалось собрать четыре археологически целых горшка (один из них не орнаментирован и имел желоб для слива жидкости, три других украшены пальцевыми вдавлениями и проколами). Таким образом, находки датирующих предметов III—I вв. до н. э. на Циркуновском городище не только в культурном слое, а и в нескольких комплексах вместе с лепной керамикой, соответствующей гончарным традициям местного населения, позволяют говорить о том, что жизнь на городище продолжалась именно при участии автохтонных племен.

Попытки исторических реконструкций событий конца IV в. до н. э. в лесостепной части бассейна Северского Донца нашли свое отражение в научных публикациях (Гречко 2006; 2010, с. 110—112; 2011; Аксьонов, Бабенко 2008). Выводы относительно проникновения на эту территорию новых групп кочевников с юго-востока (Нижнего Подонья и Прикубанья) подтверждаются археологическими материалами и выглядят убедительными. Возражение вызывает лишь тезис коллег о военном захвате

и пожаре на Циркуновском городище (Гречко 2006, с. 223; Гречко, Карнаух 2011, с. 250). Этот вывод был сделан на основе фиксации следов горения в разрезе вала северной линии укрепления. Дата сожжения, последняя четверть IV в. до н. э., была предложена не по артефактам в самой насыпи вала, а по общему контексту находок в слоях и комплексах городища. Сомнения относительно данного утверждения уже высказывались в литературе (Аксёнов, Бабенко, 2007, с. 16). Можно добавить лишь то, что на вскрытой площади памятника, около 2 тыс. м², что составляет почти одну десятую общей жилой площади (общая площадь городища 3,5 га, чисто жилой площадки 2,5 га), не зафиксировано ни одного погребения, в т. ч. и со следами насильственной смерти, а так же мощных следов сгоревших деревянных и глиняных конструкций (отдельные угли и фрагменты обожженной обмазки естественно не принимаются во внимание). Ничего подобного выразительным следам захвата, найденным на Коломакском и Семилукском городищах (коллективные захоронения в хозяйственных ямах и жилищах, многочисленные находки предметов вооружения), здесь не обнаружено (Радзиевская 1992, с. 177—179; Медведев 1999, с. 145—149)¹. Очевидно, при вероятности военных набегов, Циркуновское городище было сдано без боя, что, возможно, и стало причиной продолжения жизни на этом памятнике автохтонного населения совместно с новыми мигрантами, в отличие от захваченных городищ, на которых жизнь уже не восстанавливалась.

Что касается дальнейших событий и проблемы выделения материалов именно III в. до н. э., то это проблема не только северскодонского или лесостепного региона, а значительной части территории Евразии. Попытки ряда исследователей вычленивать сарматские комплексы III в. до н. э. (Клепиков 2002; Костенко 1982) подверглись убедительной критике их оппонентов (Полин, Симоненко 1990; Зуев 2000; Полин 2017). Отмечая то, что кризис III в. до н. э. охватывал все Северное Причерноморье, Кавказ, Поволжье, Приуралье, Западную, Южную Сибирь и Алтай, В. Ю. Зуев считает, что «...*“археологическое запустение”* целиком соответствует эпохе, когда степное население Евразии, судя по историческим данным, пришло в состояние длительного и весьма активного передвижения. В это время под ударами новых орд кочевников с востока прекратила свое существование на западе скифская культура степного Поднепровья» (Зуев 2000, с. 96). Под новыми ордами восточных кочевни-

ков, которые предположительно в 70-е гг. III в. до н. э. добились остатки скифов в Поднепровье, А. В. Симоненко видит меото-сираров и савроматов, установивших политическое и военное лидерство над скифами и увлекших их на запад, а археологическим отображением этих процессов стали Тираспольские курганы (2005, с. 257—258). О воздействии сармато-меотской традиции Прикубанья на раннем этапе позднескифской культуры говорит и А. Е. Пуздровский, считая, что «...*в Северном Причерноморье происходит движение двух встречных потоков: скифо-фракийского и сармато-меотского*» (2007, с. 77). Временем глубокого упадка для всего степного и лесостепного пояса Евразии считает III в. до н. э. и С. В. Полин. Автор полагает, что «...*проблема выделения раннесарматских памятников III в. до н. э. так и остается нерешенной, хотя существование памятников этого времени сомнения не вызывает*» (2017, с. 226).

В то же время, с отсутствием памятников III в. до н. э. в Северном Причерноморье не согласны авторы недавно увидевшей свет монографии «Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное». Опираясь, прежде всего, на датировки античных материалов, Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков и В. С. Синика перечисляют целую серию погребальных комплексов с запада на восток, которые относятся к III в. до н. э., считая их скифскими (2016, с. 985—996).

Комплекс предметов, представленный в данной статье, происходящий главным образом из Циркуновского городища, не позволяет с точностью установить этническую атрибуцию новых мигрантов на территории лесостепного Подонцовья. Появление сарматов в междуречье Днестра и Дона по письменным и археологическим источникам не ранее середины II в. до н. э. было аргументировано в ряде работ (Полин 1992, с. 73—98; Симоненко 1994). Такие предметы как фибула, железный крючок, кольцо с «шишечками» указывают на латенское влияние. Сложение фибульно-крюкового костюма у поздних скифов Нижнего Днестра, под влиянием ясторфской, поянештилукашевской, зарубинецкой культур хорошо видно на материалах могильника у с. Глиное и крымских комплексах (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 977—980; Пуздровский 2007, с. 60—77). Для раннего периода позднескифской культуры Крыма характерны так же круглорамчатые пряжки с неподвижным фиксатором и появление ранних трехлопастных черешковых наконечников стрел (Пуздровский, 2007, с. 67—68, 70—71). Все эти аналогии наводят на мысль о возможном присутствии здесь поздних скифов. С другой стороны, наличие значительной серии фрагментов сероглиняной гончарной керамики, которую можно считать меотским импортом, указывает на юго-восточное происхождение мигрантов (поздних савроматов,

1. Впрочем, существуют и другие интерпретации случаев массовых захоронений на городищах скифского времени, как свидетельств специфических похоронных практик оседлого населения (Разуваев 2016).

сирматов, сираков). Не исключены и многовекторные контакты в регионе на протяжении последних трех веков до нашей эры. В любом случае данных для окончательной этнической атрибуции населения принесшего новый комплекс материальной культуры в лесостепное Подонцовье пока не достаточно, что создает нам почву для размышлений и вдохновляет на новые поиски.

ЛИТЕРАТУРА

Аксёнов, В. С., Бабенко, Л. И. 2008. Катакомбные похоронения IV ст. до н. э. поблизу снт Коротич. В: Посохов, С. И. (ред.). *Проблемы археологии Восточной Европы*. Харьков: Курсор, с. 7-17.

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеева, Е. М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1-12.

Алексеева, Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1-12.

Безматерных, А. Е. 2004. Античные амфоры из курганов скифского времени лесостепного Дона. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*, XI, с. 19-23.

Безматерных, А. Е. 2006. *Античный керамический импорт в курганах скифского времени Днепро-Донского лесостепного междуречья (греческие амфоры)*. Автореферат диссертации ... канд. ист. наук. ИА РАН.

Бейдин, Г. В., Григорянц, М. Н., Чаговец, С. А. 2007. Первые сарматы на Северском Донце. *Культурна спадщина Слобожанщини*, 6, с. 167-175.

Берлизов, Н. Е. 2011. *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. — V в. н. э.* Краснодар: КГУКИ, Парабеллум.

Воротинская, Л. С. 2013. К вопросу о кельто-скифских взаимодействиях в Северном Причерноморье в III—II вв. до н. э. В: Вахтина, М. Ю. (ред.). *Боспорский феномен*. Материалы международной научной конференции, 19—22 ноября 2013 г. Санкт-Петербург: Нестор-История. с. 489-493.

Вязьмитина, М. И. 1972. *Золотобалковский могильник*. Киев: Наукова думка.

Гречко, Д. С. 2004. Нові античні матеріали III—II ст. до н. е. з поселень Харківщини. *Проблеми історії та археології України*. Материалы V международной конференции, 4—6 ноября 2004 года. Харьков, с. 32.

Гречко, Д. С. 2006. Некоторые вопросы этнокультурной истории северскодонецкой Лесостепи конца скифского периода. В: Бессуднов, А. Н. (ред.). *Археологическое изучение Центральной России*. Тезисы Международной конференции, 13—16 ноября 2006 года. Липецк, с. 222-227.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ.

Гречко, Д. С., Карнаух, Е. Г. 2011. Некоторые вопросы этнокультурной истории юга Восточной Европы конца скифского периода. *Stratum plus*, 3, с. 245-261.

Гуляев, В. И. 2016. *Зооморфные металлические крючки скифского времени Евразии: Каталог и описание*. Москва: ИА РАН.

Еременко, В. Е. 1999. Пересмотр относительной хронологии восточного латена и позднего предримского времени: постановка проблемы. *Археологія*, 4, с. 140-148.

Журавлев, Д. В. 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 1 (43), с. 59-85.

Зуев, В. Ю. 2000. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры. В: Мышкин, В. Н. (ред.). *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология*. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 1, с. 85-104.

Ильинская, В. А. 1961. Позднескифский слой Басовского городища. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*, 11, с. 59-63.

Каменецкий, И. С. 1994. Сероглиняные миски Пашковского VI городища. *Боспорский сборник*, 5, с. 5-58.

Клепиков, В. М. 2002. *Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э.* Волгоград: ВолГУ.

Колода, В. В. 2009. Находка двух античных амфорных клейм близ Харькова. *Древности 2009*, с. 292-294.

Костенко, В. И. 1979. Сарматы в междуречье Орели и Самары. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Курганные древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.)*. Днепропетровск: ДГУ, с. 124-139.

Костенко, В. И. 1982. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Древности степного Поднепровья (II—I тыс. до н. э.)*. Днепропетровск: ДГУ, с. 69-75.

Костенко, В. И. 1983. *Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н. э. — середины III в. н. э.* Днепропетровск: ДГУ.

Кулатова, И. М., Супруненко, О. Б., Терпиловский, Р. В. 2005. *Пізнньоскіфські та пізнньозарубинецькі старожитності Полтавщини*. Київ, Полтава: Археологія.

Марченко, И. И. 1996. *Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар.

Марченко, И. И. 2013. О времени появления гончарной сероглиняной керамики у меотов Кубани. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 4 (20), с. 26-29.

Медведев, А. П. 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.* Москва: Наука.

Медведев, А. П. 2008. *Сарматы в верховьях Танаиса*. Москва: Таус.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-4.

Могилев, О. Д. 2016. Про один із різновидів пряжок скіфського часу. *Археологія*, 2, с. 40-59.

Моруженко, А. А. 1988. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы. *Советская археология*, 1, с. 33-52.

Пачкова, С. П. 2006. *Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы*. Киев: ИА НАНУ.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Полин, С. В., Симоненко А. В. 1990. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, с. 76-95.

Полин, С. В. 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев: ИА НАНУ.

Полин, С. В. 2017. Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы). *Археология евразийских степей*, 3, с. 224-244.

Пуздровский, А. Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Радзиевская, В. Е. 1992. Основные итоги изучения Коломакского городища. В: Михеев, В. К. (ред.). *История и археология Слободской Украины*. Харьков, с. 177-179.

Разуваев, Ю. Д. 2016. Захоронения и останки людей на поселениях Лесостепной Скифии: состояние источников. *Российская археология*, 3, с. 102-120.

Савченко, Е. И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.) *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху*. Москва: ИА РАН, с. 151-277.

Симоненко, О. В. 1994. Раннесарматский период у Північному Причорномор'ї. *Археологія*, 1, с. 32-48.

Симоненко, А. В. 2005. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре В: Марченко, И. И. (ред.). *Четвертая Кубанская археологическая конференция*. Тезисы и доклады конференции, 5—8 октября 2005. Краснодар, с. 255-260.

Симоненко, А. В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья* (издание 2-е, исправленное и дополненное). Киев: Издатель Олег Филук.

Тельнов, Н. П., Четвериков, И. А., Синика, В. С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus.

Тереножкин, А. И., Мозолевский, Б. Н. 1988. *Мелитопольский курган*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1956. Курганы и городище у с. Циркуны. *Краткие сообщения ИИМК*, 63, с. 108.

Шрамко, Б. А. 1962. *Древности Северского Донца*. Харьков: ХГУ.

Шрамко, Б. А. 1964. Поселення скіфського часу біля станції Шовкова. *Археологія*, XVI, с. 181-190.

Шрамко, Б. А., Михеев, В. К., Грубник-Буйнова, Л. П. 1977. *Справочник по археологии Украины. Харьковская область*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1998. Люботинское городище. В: Буйнов, Ю. В. (ред.). *Люботинское городище*. Харьков: Регион-информ, с. 9-140.

Щукин, М. Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фарт.

REFERENCES

Aksonov, V. S., Babenko, L. I. 2008. Katakombne pokhovan- nia IV st. do n. e. poblyzu smt Korotych. In: Posokhov, S. Y. (ed.). *Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy*. Kharkov: Kur- sor, s. 7-17.

Alekseyeva, A. Yu. 2003. *Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Er- mitazh.

Alekseyeva, E. M. 1975. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12.

Alekseyeva, E. M. 1978. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12.

Bezmaternykh, A. E. 2004. Antichnyye amfory iz kurga- nov skifskogo vremeni lesostepnogo Dona. *Starozhitnosti ste- povogo Prichornomor'ya i Krimu*, XI, s. 19-23.

Bezmaternykh, A. E. 2006. *Antichnyy keramicheskyy import v kurganakh skifskogo vremeni Dnepro-Don'skogo lesostepnogo*

mezhdurechia (grecheskiye amfory). Avtoreferat dissertatsii ... kand. ist. nauk. IA RAN.

Beydin, G. V., Grigoryants, M. N., Chagovets, S. A. 2007. Pervyye sarmaty na Severskom Dontse. *Kulturna spadshchi- na Slobozhanshchini*, 6, s. 167-175.

Berlizov, N. E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmat- skkiye plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n. e. — V v. n. e.* Krasnodar: KGUKI, Parabellum.

Vorotinskaya, L. S. 2013. K voprosu o kelto-skifskikh vza- imodeystviyakh v Severnom Prichernomor'e v III—II vv. do n. e. In: Vakhtina, M. Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen*. Materi- aly mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 19—22 noyabrya 2013 g. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, s. 489-493.

Vyazmitina, M. I. 1972. *Zolotobalkovskiy mogilnik*. Kiev: Naukova dumka.

Hrechko, D. S. 2004. Novi antychni materialy III—II st. do n. e. z poselen Kharkivshchyny. *Problemy istorii i arkhe- ologii Ukrainy*. Materialy V mezhdunarodnoy konferentsii, 4—6 noyabrya 2004 goda. Kharkov, s. 32.

Grechko, D. S. 2006. Nekotoryye voprosy etnokulturnoy istorii severskodonetskoy Lesostepi kontsa skifskogo perioda. In: Bessudnov, A. N. (ed.). *Arkheologicheskoye izucheniye Tsentralnoy Rossii*. Tezisy Mezhdunarodnoy konferentsii, 13—16 noyabrya 2006 goda. Lipetsk, s. 222-227.

Hrechko, D. S. 2010. *Naseleennia skifskoho chasu na Siver- skomu Dintsi*. Kyiv.

Grechko, D. S., Karnaukh, E. G. 2011. Nekotoryye voprosy etnokulturnoy istorii yuga Vostochnoy Evropy kontsa skifsko- go perioda. *Stratum plus*, 3, s. 245-261.

Gulyayev, V. I. 2016. *Zoomorfnyye metallicheskiye kry- uchki skifskogo vremeni v Evrazii: Katalog i opisaniye*. Mosk- va: IA RAN.

Eremenko, V. E. 1999. Peresmotr odnositelnoy khronologii vostochnogo latena i pozdnego predrim'skogo vremeni: postanovka problemy. *Arkheologiya*, 4, s. 140-148.

Zhuravlev, D. V. 2014. «Braslety» i koltsa s vystupami iz pozdneskifskikh i sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Pricher- nomoria. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 1 (43), s. 59-85.

Zuyev, V. Yu. 2000. Osnovnyye problemy khronologii «ran- nesarmatskoy» kultury. In: Mishkin, V. N. (ed.). *Rannesar- matskaya kultura: formirovaniye. razvitiye. khronologiya*. Materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sar- matskoy arkheologii i istorii». Samara, 1, s. 85-104.

Plinskaya, V. A. 1961. Pozdneskifskiy sloy Basovskogo gorodishcha. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii AN USSR*, 11, s. 59-63.

Kamenetskiy, I. S. 1994. Seroglinyanyye miski Pashko- vskogo VI gorodishcha. *Bosporskiy sbornik*, 5, s. 5-58.

Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzhia v IV— III vv. do n. e.* Volgograd: VolGU.

Koloda, V. V. 2009. Nakhodka dvukh antichnykh am- fornnykh kleym bliz Kharkova. *Drevnosti 2009*, s. 292-294.

Kostenko, V. I. 1979. Sarmaty v mezhdurechye Orel'i i Samary. In: Kovaleva, I. F. (ed.) *Kurgannyye drevnosti step- nogo Podneprov'ya (III—I tys. do n. e.)*. Dnepropetrovsk: DGU, s. 124-139.

Kostenko, V. I. 1982. Rannesarmatskiy period v istorii Severnogo Prichernomoria. In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Drevnosti stepnogo Podneprov'ya (II—I tys. do n. e.)*. Dnepropetrovsk: DGU, s. 69-75.

Kostenko, V. I. 1983. *Sarmatskiye pamyatniki Dnepro- Donskogo mezhdurechia III v. do n. e. — serediny III v. n. e.* Dnepropetrovsk: DGU.

Kulatova, I. M., Suprunenko, O. B., Terpylovskiy, R. V. 2005. *Piznoskifski ta piznozarusybnytski starozhytnosti Poltavshchyny*. Kyiv, Poltava: Arkheologiya.

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani (po materialam kur- gannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)*. Krasnodar.

Marchenko, I. I. 2013. O vremeni poyavleniya goncharnoy seroglinyanyy keramiki u meotov Kubani. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatelnaya mysl*, 4 (20), s. 26-29.

Medvedev, A. P. 1999. *Ranniyy zheleznyy vek lesostepnogo Podonia. Arkheologiya i etnokulturnaya istoriya I tisyache- letiya do n. e.* Moskva: Nauka.

Medvedev, A. P. 2008. *Sarmaty v verkhoviakh Tanaisa*. Moskva: Taus.

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzheniye skifov*. Moskva: Nau- ka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-4.

Mohylov, O. D. 2016. Pro odyn iz riznovydiv priazhok skifskoho chasu. *Arkheolohiia*, 2, s. 40-59.

Moruzhenko, A. A. 1988. K voprosu o pamyatnikakh rannego zheleznogo veka v bassejne r. Vorslky. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 33-52.

Pachkova, S. P. 2006. *Zarubinetskaia kultura i latenizirovannyye kultury Evropy*. Kiev: IA NANU.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov. D 4-5.

Polin, S. V., Simonenko, A. V. 1990. «Rannesarmatskiye» pogrebeniya Severnogo Prichernomoria. In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Issledovaniya po arkheologii Podneprov'ia*. Dnepropetrovsk: DGU, s. 76-95.

Polin, S. V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii*. Kiev: IA NANU.

Polin, S. V. 2017. Sarmatskoye zavoyevaniye Severnogo Prichernomoria (sovremennoye sostoyaniye problemy). *Arkheologiya evraziyskikh stepey*, 3, s. 224-244.

Puzdrovskiy, A. E. 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebalnyye pamyatniki*. Simferopol: Biznes-Infom.

Radziyevskaya, V. E. 1992. Osnovnyye itogi izucheniya Kolomakskogo gorodishcha. In: Miheev, V. K. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Slobodskoy Ukrainy*. Kharkov, s. 177-179.

Razuvayev, Yu. D. 2016. Zakhroneniya i ostanki lyudey na poseleniyakh Lesostepnoy Skifii: sostoyaniye istochnikov. *Rossiyskaya arkheologiya*, 3, s. 151-277.

Savchenko, E. I. 2004. Vooruzheniye i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.) *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu*. Moskva: IA RAN, s. 151-277.

Symonenko, O. V. 1994. Rannosarmatskiy period u Pivnichnomu Prychornomori. *Arkheolohiia*, 1, s. 32-48.

Simonenko, A. V. 2005. Tiraspol'skiye kurgany. «strannye komplekсы» i siraki na Dnestre V: Marchenko, I. I. (ed.). *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Tezisy i doklady konferentsii*, 5—8 oktyabrya 2005. Krasnodar, s. 255-260.

Simonenko, A. V. 2015. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomoria* (izdaniye 2-e. ispravlennoye i dopolnennoye). Kiev: Izdatel Oleg Filyuk.

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskiy mogilnik III—II vv. do n. e. u s. Glinoye*. Tiraspol: Stratum plus.

Terenozhkin, A. I., Mozolevskiy, B. N. 1988. *Melitopolskiy kurgan*. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1956. Kurgan i gorodishche u s. Tsirkuny. *Kratkiye soobshcheniya IIMK*, 63, s. 108.

Shramko, B. A. 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa*. Kharkov: KhGU.

Shramko, B. A. 1964. Poselennia skifskoho chasu bilia stantsii Shovkova. *Arkheolohiia*, XVI, s. 181-190.

Shramko, B. A., Mikheyev, V. K., Grubnik-Buynova, L. P. 1977. *Spravochnik po arkheologii Ukrainy*. Kharkovskaya oblast. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon)*. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1998. Lyubotinskoye gorodishche. In: Buynov, Yu. V. (ed.). *Lyubotinskoye gorodishche*. Kharkov: Region-inform, s. 9-140.

Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobyiy III v. do n. e. — I v. n. e. v Vostochnoy i Tsentralnoy Evrope*. Sankt-Peterburg: Farn.

K. Yu. Pelyashenko

ANTIQUITIES OF THE III— I CENTURIES BC IN THE FOREST- STEPPE DONETS REGION

For the territory of the forest-steppe part of the river basin. Seversky Donets, as well as for the entire Dnepro-Donets Forest-Steppe as a whole, the period of the last three centuries BC is the least studied. First of all, this is due to a very limited range of archaeological sources. The article gives an analysis of materials relating to the III—I centuries. BC, obtained mostly as a result of the excavations of the author, involving a few previously known random finds. In addition to the single random finds found on the surface, the main array of artifacts associated with the period under consideration is presented in the materials of the excavation of the Tsirkuni settlement. It is still the only monument in the forest-steppe Donets region on which objects are found, which, according to the general context, can be dated to the last centuries BC. Among them are fragments of imported pottery ceramics, iron brooches, a hook, a petioled three-bladed arrowhead, several types of buckles, a bronze ring with rounded protrusions.

These findings allow us to talk about the continuation of life on some forest-steppe monuments of Scythian time in this period and only to suggest the ethnicity of new migrants in the territory, among which could be both late Scythians and Eastern nomads (late Sauro-mats, Sirmatians, Siraks).

Keywords: Forest steppe, Seversky Donets, III—I cc. BC, material culture.

Одержано 16.02.2018

ПЕЛЯШЕНКО Костянтин Юрійович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Харківський історичний музей ім. М. Ф. Сумцова, вул. Університетська, 5, Харків, 61003, Україна, kpelasenko@gmail.com.

PELYASHENKO Kostjantin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Kharkiv Museum of History, Universitetskaya, 5, Kharkiv, 61003, Ukraine, kpelasenko@gmail.com.